

BYZANTINO-TAURICA

2

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2024

BYZANTINOTAURICA

ISSN 2949-6136

BYZANTINOTAURICA

THE JOURNAL OF BYZANTINE AND MEDITERRANEAN STUDIES

2

ISSN 2949-6136

VOL. 2

2024

Sevastopol,Simferopol
2024

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

BYZANTINOTAURICA

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Оріанда издательство

Севастополь, Симферополь
2024

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

Ежегодный журнал

Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований / Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. — Севастополь, Симферополь: Н.Орiанда.

2024. Т. 2. — 2024. — 348 с., ил.

ISSN 2949–6136

Во втором томе журнала представлены работы, посвященные различным аспектам истории и культуры Византии, Причерноморья, Средиземноморья, Кавказа и Руси в позднеантичный и средневековый период. Опубликованы статьи по всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки. Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Крыма, Причерноморья и Византии.

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

ISSN 2949–6136
9 772949 613009 >

© Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© «Н.Орiанда», макет, 2024

Редакционная коллегия

Сергей Павлович Карпов (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; руководитель Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Николай Николаевич Болгов — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского национального исследовательского университета; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»;

Сергей Геннадиевич Бочаров — кандидат исторических наук, доцент, директор НОЦ «Археологические исследования»; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Михаил Вячеславович Грацианский — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Татьяна Викторовна Кущ — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург); главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Юрий Миронович Могаричев — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН;

Константин Александрович Панченко — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Александр Васильевич Подосинов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древних языков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Николай Игоревич Быстрицкий (ответственный секретарь) — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ло-

моносова; старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета.

Редакционный совет

Михаил Дмитриевич Бухарин — академик РАН; главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Николай Николаевич Крадин — академик РАН; директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН;

Андреа Нанетти — профессор; Венецианский институт наук, словесности и искусств (Венеция); Наньянский технологический университет (Сингапур);

Владимир Дмитриевич Нечаев — доктор политических наук; ректор Севастопольского государственного университета (Севастополь);

Михаил Борисович Пиотровский — академик РАН; генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Ирина Федоровна Попова — член-корреспондент РАН; директор Института восточных рукописей (Санкт-Петербург);

Славенко Терзич — действительный член Сербской Академии Наук (Белград).

Editorial Board
Editors

Sergey Karpov (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University; Head of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Nikolay Bolgov — Doctor of Sciences (History), Professor, the Chair for Universal History of Belgorod State University; Senior Researcher of the Centre for Digital Technologies in Historical and Archaeological Research of Sevastopol State University;

Sergey Bocharov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Archaeological Research Centre of Sevastopol State University; Leading Researcher of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Mikhail Gratsianskiy — PhD, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Tatiana Kushch — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Ancient and Medieval History Department of Ural Federal University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Yuriy Mogarichev — Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Humanity and Social Science of the Crimean Republican Institute for Post-Graduate Pedagogical Education;

Constantin Panchenko — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Near and Middle Eastern History of the Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University;

Alexander Podosinov — Doctor of Sciences (History), Professor, the Head of the Department for Ancient Languages of Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Nikolay Bystritskiy (Editorial Secretary) — Candidate of Sciences (History); Senior Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University.

Editorial Advisory Board

Mikhail Bukharin — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Sergey Kradin — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences;

Andrea Nanetti — Professor; Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti (Venice); Nanyang Technological University (Singapore);

Vladimir Nechaev — Doctor of Political Sciences; Rector of Sevastopol State University;

Mikhail Piotrovsky — Full Member of the Russian Academy of Sciences; General Director of the State Hermitage (Saint-Petersburg);

Irina Popova — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg);

Slavenko Terzić — Full Member of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade).

Содержание

Восток и Запад: евразийское измерение в Средние века

И.Ф. Попова (Санкт-Петербург)
Установление первых прямых контактов Китая с Европой (XIII век)... 13

Восток и Запад Средиземноморья в позднеантичный и средневизантийский периоды

Н.Н. Болгов, Е.П. Славогородская, А.М. Болгова (Белгород)
Интеллектуалы римской и ранневизантийской Ликии..... 21
Е.В. Литовченко (Белгород)
«Я избегаю длинных путешествий»: деловые и частные поездки в поздней Античности (по эпистолярию Квинта Аврелия Симмаха).... 36
М.В. Грацианский (Москва)
Церковный мир 433 г. и римская кафедра..... 46
Н.А. Гудков (Белгород)
Узурпация Флавия Иоанна 423–425 гг. в контексте взаимоотношений восточноримского и западноримского двора. 71
В.В. Прудников (Москва)
Норманны, тюрки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций в хрониках итало-норманнских авторов конца XI в..... 81

Таврика в византийский и генуэзский периоды: история и археология

С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц (Санкт-Петербург)
Храм святых апостолов Петра и Павла в Партените — византийский памятник X–XI вв., периода Македонского возрождения..... 95
В.П. Кирилко (Симферополь)
Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма..... 137
А.А. Роменский (Севастополь)
Ромеи и «обитатели Севера»: идентичность и этнокультурные контакты в византийской Юго-Западной Таврике..... 172
П.В. Кузенков, Ю.М. Могаричев (Севастополь, Симферополь)
Католические миссии в Горной Юго-Западной Таврике во второй половине XIII в.: к постановке проблемы..... 195
Н.П. Турова (Симферополь)
Казалии Готии второй половины XIV–XV вв.: материалы к археологической карте муниципального округа Ялта 217

Византийская зона влияния:
исторические и археологические аспекты истории Руси и Кавказа

Ш.М. Хапизов (Махачкала)
Царство Сарир («Авар») в X–XIII вв. — независимое государство или вассал государства ромеев? (К вопросу о границах и внешнеполитической ориентации)..... 271
С.В. Шполянский (Москва)
Металлические накладки с растительным декором в материальной культуре Московской Руси во второй половине XIV–XV вв.: археологический контекст и восточно-средиземноморские влияния..... 288

Цифровые методы в исторической науке: теория и практика

Н.И. Быстрицкий (Москва)
Применение искусственного интеллекта для развития исторического знания: перспективы и ограничения 303
Э.Н. Карнаушенко (Севастополь)
Мозаика северной пристройки херсонесской Базилики в базилике: символика, композиция, реконструкция 317

Рецензия

А.А. Роменский (Севастополь)
Хронология и территория Руси X в.: спорные вопросы. Рецензия на книгу: Щавелев А.С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 гг.). М.: Аквилон, 2020. 560 с. 328

Contents

East and West: The Eurasian Dimension in the Middle Ages

Irina F. Popova (Saint-Petersburg)
The Rise of the First Direct Contacts Between China and Europe (13th C.) 13

East and West of the Mediterranean in the Late Antique and Middle Byzantine Periods

Nikolay N. Bolgov, Ekaterina P. Slavogorodskaya, Anna M. Bolgova (Belgorod)
Intellectuals of Roman and Early Byzantine Lycia 21
Elena V. Litovchenko (Belgorod)
"I Avoid Long Journeys": Business and Private Travel in Late Antiquity (from the Epistolary of Quintus Aurelius Symmachus) 36
Mikhail V. Gratsianskiy (Moscow)
The Church Peace of 433 and the Roman See 46
Nikita A. Gudkov (Belgorod)
The Usurpation of Flavius John 423–425 in the Context of Relations between the Eastern and Western Roman Courts 71
Vitaliy V. Prudnikov (Moscow)
Normans, Seljuk Turks and Romans at the Crossroads of Traditions in the Chronicles of Italo-Norman Authors of the End of the 11th Century 81

Taurica in the Byzantine and Genoese Periods: History and Archaeology

Svetlana B. Adaksina, Victor L. Myts (Saint-Petersburg)
A Byzantine Monument of the 10th–11th Centuries, the Period of the Macedonian Renaissance 95
Vladimir P. Kirilko (Simferopol)
Floors in Medieval Churches of South Coast of Crimea 137
Alexandr A. Romensky (Sevastopol)
Romans and "The Residents of the North": Identity and Ethnocultural Contacts in the Byzantine South-Western Taurica 172
Pavel V. Kuzenkov (Sevastopol), **Yuriy M. Mogarichev** (Simferopol)
Catholic Missions in the Mountainous South-Western Taurica in the 2nd Half of the 13th Century: Towards the Formulation of the Problem 195
Natalia P. Turova (Simferopol)
Casalia of Gothia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Materials for the Archaeological Map of the Yalta Municipal District 217

Byzantine Zone of Influence:
Historical and Archaeological Aspects of the History of Rus' and the Caucasus

Shahban M. Khapizov (Mahachkala)
The Kingdom of Sarir ("Avar") in the 10th–13th Centuries: An Independent State or a Vassal of the State of the Romans? (The Issue of Borders and Foreign Policy Orientation Revisited) 271
Sergey V. Shpolyanskiy (Moscow)
Metal Overlays with Floral Decoration in the Material Culture of Moscow Russia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Archaeological Context and Eastern Mediterranean Influences 288

Digital Methods in Historical Science: Theory and Practice

Nikolay I. Bystritskiy (Moscow)
Application of Artificial Intelligence for the Development of Historical Knowledge: Prospects and Limitations 303
Ella N. Karnaushenko (Sevastopol)
Mosaic of the Northern Extension of the Chersonesos 'Basilica in the basilica': Symbolism, Composition, Reconstruction 317

Review

Alexandr A. Romensky (Sevastopol)
Chronology and Territory of Rus' in the 10th Century: Controversial Issues. Book review: Shchavelev, A.S. Chronotop derzhavy Riurikovichei (911–987). Moscow: Aquilon, 2020. 560 p. 328

BYZANTINOTAURICA
Журнал византийских и средиземноморских исследований
ISSN 2949–6136
2024. Т. 2
С. 81–94

BYZANTINOTAURICA
The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies
ISSN 2949–6136
Vol. 2: 2024
P. 81–94

Научная статья

Норманны, тюрки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций в хрониках итало-норманнских авторов конца XI в.

Виталий Владимирович Прудников

Кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Отдел истории Востока; Институт востоковедения РАН; ул. Рождественка, д. 12, 107031 Москва; gviskar@mail.ru

Аннотация: Современных исследователей не перестает удивлять то, насколько большое влияние античная традиция оказала на все аспекты жизни и деятельности людей эпохи Средневековья. Не миновали этой участи и представители двух наиболее активных в XI в. народов-завоевателей: норманнов и тюрок-сельджуков. Для современников в лице итало-норманнских авторов, а также хронистов первого крестового похода, именно они достойны были быть наследниками того Рима, который повелевал народами в древние времена. В данной работе предпринимается попытка свести воедино и проанализировать упоминания о Риме и римлянах, имеющие отношение к норманнам и тюркам-сельджукам, с целью выявления примеров восприятия и осмысления этих понятий авторами итало-норманнских хроник конца XI в.

Ключевые слова: норманны, тюрки-сельджуки, итало-норманнские авторы, античная традиция, первый крестовый поход, Рим.

Цитирование: *Прудников В.В.* Норманны, тюрки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций в хрониках итало-норманнских авторов конца XI в. // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 81–94.

© Прудников В.В., 2024

Original article

Normans, Seljuk Turks and Romans at the Crossroads of Traditions in the Chronicles of Italo-Norman Authors by the 11th Century

Vitaly V. Prudnikov

Candidate of Sciences (History); Senior Researcher; Department of Oriental History; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 12 Rozhdestvenka st., 107031 Moscow; gviskar@mail.ru

Abstract: Modern researchers continue to be amazed by how much influence the ancient tradition had on all aspects of the life and activities of people in the Middle Ages. Representatives of the two most active conquerors of the 11th century did not escape this fate: the Normans and the Seljuk Turks. For contemporary Italo-Norman authors, as well as the chroniclers of the first crusade, it was they who were worthy of being the heirs of that Rome that ruled peoples in ancient times. This article attempts to bring together and analyse references to Rome and the Romans in regard to the Normans and Seljuk Turks in order to identify examples of the perception and understanding of these former concepts by the authors of Italo-Norman chronicles by the 11th century.

Keywords: normans, Seljuk Turks, Italo-Norman authors, ancient tradition, first crusade, Rome.

For citation: Prudnikov, V.V. "Normans, Seljuk Turks and Romans at the Crossroads of Traditions in the Chronicles of Italo-Norman Authors of the End of the 11th Century." *Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 81–94 (in Russian).

Одна из последних теорий относительно проблемы самоидентификации норманнов философа и теолога С. Соннесина прямо указывает на явное сходство *gens Normannorum* и *populus Romanus*. В соответствие с данной теорией, основу римского общества составляли не социальные организации и союзы, но прежде всего этические связи и дружеские отношения[1]. Данное понимание человеческого общества, которое нашло отражение в речах Цицерона, стало основой концептуального произведения христианской этики и политики Августина «О Божьем граде». Именно концепция Августина легла в основу «основных текстов западного монашества»,

[1] *Sonnesyn S.* The Rise of the Normans as Ethnopoesis // Norman Tradition and Transcultural Heritage. Exchange of Cultures in the 'Norman' Peripheries of Medieval Europe / Ed. by T. Foerster S. Burkhardt. Farnham: Ashgate, 2013. P. 203–218 (здесь: P. 213).

© Prudnikov, V.V., 2024

которые оказали значительное влияние на формирование большинство норманнских историков[2].

Подобно римлянам, норманны возникли как народ благодаря деяниям своих предводителей. Соннесин ставит во главу угла не этническую, а социально-политическую и религиозную самоидентификацию норманнов. Поэтому он считает нужным говорить не об этногенезе «рождении народа» норманнов, но об этнопоэзии «создания народа» выдающимися деятелями и историками[3]. Таким образом, средневековым историкам принадлежала не меньшая роль в данном процессе, т. к. каждый удачливый правитель мечтал обзавестись собственным историческим кодексом, в котором бы прославлялись его деяния.

При детальном изучении хроник итало-норманнских, а равно франко-норманнских и англо-норманнских авторов мы неизбежно сталкиваемся с проявлениями античной традиции. Само появление подобных сочинений, написанных на латыни, наряду с чеканкой монет, сооружением мавзолеев, саркофагов и тому подобным, являлось применением триумфального языка римских императоров и полководцев.

К числу произведений итало-норманнских авторов второй половины XI в. относятся следующие: «История норманнов» Амато, монаха бенедиктинского монастыря Монтекассино, «Деяния графа Калабрии и Сицилии Рожера и брата его герцога Апулии Роберта Гвискара» Гауфреда Малатерры и поэма Вильгельма Апулийского «Деяния Роберта Гвискара».

Общим для этих средневековых хроник были некоторые обстоятельства их создания, среди которых присутствовали явный заказ норманнских владык и требование донести до читателя, каким образом чужаки, выходцы из Нормандии, за несколько десятилетий из кучки презренных бродяг и наемников стали легитимными правителями Южной Италии и Сицилии.

Никого из перечисленных авторов нельзя с полной уверенностью назвать носителем или знатоком норманнских традиций. Амато писал историю возвышения норманнов с точки зрения их отношений с Римской Церковью в целом и монастырем Монтекассино в частности, Вильгельм Апулийский представлял ее, как освободительную борьбу лангобардов против Византийской империи. Пожалуй, только Гауфред Малатерра дал такое описание событий, которое так или иначе отражало взгляд представителей семьи Отвилей, к которой принадлежали Роберт Гвискар и Рожер Сицилийский.

Тем не менее, столь различные подходы итало-норманнских авторов не мешают им воспроизводить сюжеты, которые можно было бы назвать традиционными для норманнских хроник. К примеру, Вильгельм Апулийский подробно рассказывает о том, как Роберт Гвискар захватил

---

[2] Ibid. P. 214.

[3] Ibid. P. 206.

одну из крепостей Калабрии (историческая провинция Южной Италии). В частности, он сообщает о трудностях, связанных с осадой Акколы, где находилась большая община монахов, которые крайне неохотно пускали внутрь чужаков. Поэтому Роберт был вынужден пойти на хитрость и объявил о смерти одного из своих людей. Этого человека завернули в саван, водрузили на носилки и даже покрыли лицо воском, после чего «по норманнскому обычаю» под тело положили мечи, на которых «покойника» внесли внутрь крепости. Никто из местных обитателей не заподозрил обмана до того момента, «пока тот, которого все считали покойником, внезапно не вскочил, а его спутники обнажили мечи и овладели посредством обмана местечком колонистов»[4].

Данный сюжет перекликается с другим рассказом, принадлежащим перу франко-норманнского автора Дудона из Сен-Кантена за сто лет до поэмы Вильгельма Апулийского. В легенде о Гастинге, который в соответствии с традицией стал самым первым из «данов», кто начал совершать набеги на Франкию. Известно также, что он якобы был опекуном другой легендарной личности — Бьёрна «Железнобокого», сына Рагнара Лодброка.

Дудон сообщает, что после опустошения Франкии Гастинг задумал покорить Рим[5]. Однако вместо Рима он оказался под стенами города «Луна», который он принял за Рим. Понимая, что взять город военной силой у него не получится, Гастинг пошел на хитрость и объявил о своем намерении принять христианство и заключить союз с жителями Луны. После обряда крещения Гастинг приказал своим людям сообщить о своей мнимой смерти и его последнем желании: быть погребенным в монастыре, который находился за стенами внутри города. Горожане согласились удовлетворить последнюю просьбу Гастинга. Настал день, когда даны с гробом своего предводителя вошли в город и направились к монастырю, где по случаю похорон Гастинга собрались «граф, епископ и весь клир». Но как только епископ приказал опустить гроб в могилу, «язычники», к удивлению христиан, попросили их не делать этого. В этот момент из гроба выскочил сам Гастинг и стал убивать явившихся на его похороны горожан направо и налево, а его люди, забаррикадировав дверь в собор, последовали его примеру. После этого они пробились к воротам города и впустили остальных своих товарищей, ждавших снаружи. После этого «возрадовался Гастинг со своими спутниками, считая, что захватил Рим — главу Вселенной. Возрадовался тому, что держит единую власть над всей империей через город, который считал Римом — господином народов»[6].

---

[4] Guillermi Apuliensis Gesta Roberti Wiscardi / Ed. R. Wilmans // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio. T. 9. Hannover, 1851. P. 334–354.

[5] Dudonis Sancti Qvintini De moribus et actis primorum Normanniae ducum. Gaen, 1865. P. 132.

[6] Ibid. P. 135.

Однако радость Гастинга длилась недолго. После того, как он узнал о том, что захватил не Рим, а другой город, он приказал своим людям разграбить и сжечь его, а жителей и добычу погрузить на корабли, после чего отправился во Францию.

Очень важным является тот факт, что Гастинг хотел овладеть именно Римом, а не любым другим городом. Рим, который Дудон постоянно называет не иначе как *dominam gentium*, олицетворял собой центр католической вселенной, был символом мирового господства. Дудон указывает на стремление Гастинга к «единой власти над всей империей» ради нее самой. Гастинга интересует в первую очередь «власть», олицетворением которой он считал «госпожу народов» — Рим.

Подобную легенду мы встречаем в скандинавской традиции у Снорри Стурлусона в «Круге земном», а точнее, в «Саге о Харальде Суровом». В ней описаны события, происходившие во время византийской реконкисты на Сицилии в 1038–1040 гг. во главе с Георгием Маниаком. В этой экспедиции на стороне византийцев также принимали участие старшие братья Роберта Гвискара во главе с Вильгельмом Железноруким и отряд викингов со своим предводителем — будущим королем Норвегии Харальдом Суровым.

Следующий отрывок дается в переводе с исландского на русский язык, выполненном А.Я. Гуревичем: «Четвертый город, к которому подошел Харальд со своим войском, был больше всех тех, о которых было прежде рассказано. Он был так укреплен, что им нечего было и рассчитывать на то, чтобы ворваться в него. Поэтому они осадили город и перерезали все пути к нему, так чтобы продовольствие не могло быть доставлено к его жителям. Когда же прошло немного времени, Харальд заболел, да так, что пришлось ему улечься в постель. Он велел поставить свою палатку поодаль от остального лагеря, потому что, думалось ему, покойнее будет не слышать шума и веселых криков войска. Его люди часто приходили толпами к нему за советом.

Тут горожане увидели, что у веринговъ происходит что-то необычное. Они послали соглядатаев узнать, что бы это могло быть. Когда же соглядатаи возвратились в город, они рассказали, что предводитель веринговъ заболел и что по этой причине не происходит нападений на город. Прошло таким образом некоторое время, и силы у Харальда убавилось. Стали тогда его люди горевать и печалиться. Все это прознали горожане. Наконец, болезнь так одолела Харальда, что по всему войску стали поговаривать о последнем его часе. Тут веринги вступили в переговоры с горожанами, сказали им о кончине своего вождя и просили священников разрешить ему быть погребенным в городе. А когда горожане узнали об этой новости, то многие из тех, которые управляли монастырями или храмами в городе, выражали желание принять его тело в свои церкви, зная, что можно будет

ожидать большого притока пожертвований. Все священники нарядились тогда в свои облачения и вышли из города с ковчегами и мощами, образовав пышное шествие. Веринги же приготовили пышные похороны. Гроб был поднят и покрыт драгоценной тканью, и его несли вместе со множеством стягов.

Когда гроб внесли в городские ворота, то опустили его, поставив поперек дороги. Тут веринги протрубили во все свои трубы и обнажили мечи. Все войско веринговбросилось тогда из лагеря в полном вооружении с кликами и гиканьем и ворвалось в город. Монахи же и другие священники, которые выступали в этом погребальном шествии, состязаясь между собой, кто первым получит приношения, теперь состязались в том, чтобы подальше убежать от веринговпотому что те убивали всякого, кто им попадался, будь то клирик или мирянин. Так веринги прошли по всему городу, убивая народ, разграбили все городские церкви и взяли огромную добычу»[7].

Таким образом, история захвата безымянного сицилийского города Харальдом очень сильно напоминает сюжеты, приведенные у Дудона и Вильгельма.

Стоит отметить, что с подобным сюжетом мы сталкиваемся и в «Алексиаде», автором которой, как известно, является Анна Комнина, однако героем ее повествования являлся не Харальд, а Боэмунд, сын Роберта Гвискара: «Боэмунд, опасаясь угроз самодержца и не имея никаких средств для защиты (у него не было ни большого войска на суше, ни флота на море, а опасность уже надвигалась на него со всех сторон), задумал нечто очень низкое и очень подлое. Прежде всего, оставив Антиохию своему племяннику Танкреду, сыну Маркиза, он повсюду распустил слух, что Боэмунд, мол, умер, и сам живой убедил весь мир в своей кончине.

Молва, как на крыльях, разнеслась повсюду, извещая о смерти Боэмунда. Когда Боэмунд нашел, что слухи уже достаточно распространились, он велел приготовить деревянный гроб и диеру для его перевозки; и вот живой покойник отплыл из Суди — это порт Антиохии — в Рим. Так и доставляли его по морю как мертвого. Внешне казалось, что везут настоящего покойника; Боэмунд лежал в гробу, и где только они не появлялись, варвары рвали на себе волосы и громко рыдали. А тот лежал в гробу, вытянувшись, как мертвец, вдыхая и выдыхая воздух через потайные отверстия. Так было на берегу. Но как только корабль выходил в море, Боэмунду давали еду и ухаживали за ним, а потом снова начинались слезы и шарлатанство.

Чтобы от трупа шел запах и все думали, что он разлагается, они не то задушили, не то зарезали петуха и подкинули его «мертвому». Уже на четвертый или на пятый день от петуха пошел дух, нестерпимый для всех,

[7] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980. Р. 407–408.

кто не потерял обоняния. Обманутым людям казалось, что этот тяжелый дух исходит от Боэмунда. Больше всех наслаждался этой гадкой выдумкой сам Боэмунд, и я удивляюсь, как его нос мог вынести такую атаку, ведь Боэмунд живой лежал рядом с мертвечиной. В первый и единственный раз видела наша земля подобную хитрость варвара, целью которой было ниспровержение ромейского владычества. Никогда прежде ни варвар, ни эллин не придумывали против врагов ничего подобного, да и будущие поколения, я полагаю, такого не увидят»[8].

Вероятно, что рассказ о Боэмунде придуман Анной от начала до конца, но столь явное сходство сюжета о Боэмунде с сюжетами о Луне и Акколе говорит о том, что византийская принцесса была знакома с ними. Я.Н. Любарский в своей статье «Об источниках "Алексиады" Анны Комниной» исследовал вопрос об удивительных совпадениях рассказов, посвященных Роберту Гвискару, у Вильгельма Апулийского и Анны, сделав вывод о существовании общего письменного источника латинского происхождения, которым пользовались оба автора[9]. Таким образом, она могла позаимствовать этот сюжет и из устного источника латинского, а точнее, норманнского происхождения, чтобы выразить свое искреннее удивление невиданной «хитростью варвара», которую Анна оценивает крайне негативно как «нечто низкое и очень подлое», «шарлатанство» и называет «гадкой выдумкой».

Каждый из рассмотренных выше хронистов лишь наполовину является автором легенды о Луне — Акколе — Боэмунде. Дудон, Вильгельм Апулийский и Анна Комнина использовали реально существовавшее предание норманнов и передавали его, искажая содержание, с явно негативной, а иногда и враждебной оценкой действий норманнов. Сходство сюжетов во всех приводимых рассказах состоит в том, что предводители норманнов (Гастинг, Роберт Гвискар) прибегают к притворству, чтобы захватить власть или сохранить ее (Боэмунд). В то же время, «последний викинг» Харальд притворяется мертвым не ради захвата города, как это делали герои в норманнской традиции, а исключительно ради грабежа. Весьма показательно, что пунктом назначения путешествия Боэмунда в «Алексиаде» объявляется именно Рим, а не владения норманнов в Южной Италии и Сицилии. Вместе с тем, самый сильный и мощный образ — Рим как символ мирового господства раскрывается только в сочинении Дудона.

Как же воспринимался Рим авторами, принадлежащими к итало-норманнской традиции? Малатерру интересует вопрос о том, как строились отношения норманнов со святым престолом. Однако он дает однобокое освещение данного вопроса, отстаивая в первую очередь интересы сици-

---

[8] *Анна Комнина.* Алексиада / Пер. с греческого Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 318.

[9] *Любарский М.Я.* Об источниках «Алексиады» Анны Комниной // Византийский временник. 1964. Т. 25. С. 99–120.

лийского графа Рожера. Когда он рассказывает о том, как после сражения при Чивитато в 1053 г. норманнам удалось добиться признания папой Львом IX их владений в Южной Италии, то главными виновниками произошедшего сражения хронист объявляет лангобардов. Потому что они обратились к папе за помощью против норманнов и с предложением принять под свою власть земли, которые, как говорит Малатерра, некогда принадлежали Римской Церкви. Однако Малатерра допускает некоторые замаскированные выпады в отношении и самого Льва IX, когда говорит, что тот «поверил в помощь лангобардов» и принял предложение, «хотя был очень благоразумен».

В результате, после поражения в битве, когда преследуемый врагами папа пытался спастись за стенами населенного лангобардами города Чивитато, его жители, «всегда коварнейшие, никакого договора для пользы апостолика заключить не пытались, только думали о том, как себя защитить, вытолкнули его через ворота, где враги, его ожидавшие, из уважения к Святой Римской Церкви, с великой преданностью бросились к его ногам, умоляли его явить милость и благосклонность. Вплоть до того места, где войско разбило лагерь и установило шатер, все за ним униженно последовали. Апостолический муж благодарно принял от них предписанную законом благосклонность, не отказал в отпущении грехов и благословил, а всю землю, которую захватили и которую в будущем в Калабрии и Сицилии приобрести смогут, от Святого Петра в наследственный феод им и их наследникам во владение уступил»[10].

Очевидно, что для Малатерры битва при Чивитато и ее последствия стали важной вехой в истории норманнов, описывая которую, он изображает их в первую очередь как верных вассалов римских пап, рьяно преследующих интересы Римской Церкви.

Завершая описание битвы с мусульманами при Серами, произошедшей в 1063 г., Малатерра говорит: «Богу и святому Петру, зная, что под их покровительством была одержана эта победа, не желая оставаться неблагодарным за оказанное ему благодеяние, граф в доказательство своей победы через некоего по имени Меледий представил в Рим своих четырех верблюдов, которых получил вместе с другой оставшейся добычей после триумфа над врагом папе Александру, который в то время благоразумно и католически следовал за блаженным Петром. Апостолик, не столько посланным ему дарам, сколько победе над погаными, от Бога полученной, обрадованный, дал апостолическое благословение и властью, которой владел, отпущение грехов, если потом раскаются, то впредь будут осторожны, графу и всем, кто помогал ранее и будут помогать в будущем из верности

[10] *Gaufredus Malaterra.* De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius // Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. T. 5. Bologna, 1928. P. 15.

Христу в отнятии Сицилии у поганых, и дал знамя от Римского престола, со знаком апостольской власти; каковой наградой, веря в защиту блаженного Петра, защищенные, они могли бы вести войну с сарацинами»[11].

В другом месте Малатерра рассказывает, что, когда Роберт Гвискар находился с войсками на Балканах, он получил письмо от папы Григория VII, в котором тот умолял его явиться на помощь «святой Римской Церкви». Он кратко пересказывает произошедшие события: как император Генрих «при поддержке фортуны» захватил Рим, с помощью «могущественных римлян» осадил папу в башне «Кресценти», и наконец, «вопреки святым канонам — какое нечестие!» — возвел на кафедру святого Петра архиепископа Равенны Умберта. Далее Малатерра говорит, что, хотя герцог Роберт был занят своими неотложными делами, «однако, услышав о таком бедственном положении Святой Матери Церкви и господина своего, вспомнил, что всё, чем владел, он держит от него, [и] в таких трудных обстоятельствах, блюдя свою клятву и верность (fidem datam et legalitatem suam servans), предпочел свое [дело], хотя и дорогое, на время отставить и святой Матери Церкви или нуждам своего господина послужить»[12].

Малатерра подробно описал поход Роберта Гвискара на Рим в 1084 г. в поддержку папы Григория VII, осажденного германским императором Генрихом IV и жителями Рима. Он выступил с хорошо подготовленным войском во главе тысячи трехсот конных рыцарей и многочисленной пехоты против германского императора и «неверных римлян» на помощь папе Григорию. «Римляне» в очередной раз совершили предательство, на этот раз в отношении Генриха IV, и тот скрепя сердце был вынужден отвести свои войска. Соблюдая максимальную осторожность, Роберт Гвискар наконец вошел в город, стараясь при этом посильнее запугать жителей: войска перебирались по приставным лестницам через стены, по его приказу были выломаны ворота святого Лаврентия, и, преодолев эти препятствия, норманны с громким кличем бросились к осажденному в замке святого Ангела Григорию VII и затем торжественно сопроводили его в Латеранский дворец, где размещалась папская резиденция.

Однако отпраздновать победу сразу не удалось, т. к. «римляне» собрались с силами и сговорившись неожиданно напали на норманнов, которые вынуждены были оставить трапезу и вступить в сражение. Ситуация в уличных боях складывалась не в пользу норманнов и от поражения их спас только прямой приказ Роберта поджечь город, что заставило наступавших ослабить натиск и отступить с большими потерями. Действия Роберта принудили горожан осознать бессмысленность сопротивления и запросить мира, принеся извинения за свой обман. Хотя Григорий VII согласился простить горожан, однако, зная «коварство римлян», оставил

[11] Ibid. P. 44–45.
[12] Ibid. P. 77.

город навсегда и отправился в Апулию, где «до самого конца жизни, Рима не видя, оставался»[13].

После столь подробного описания событий в Риме Малатерра считает своим долгом выразить в стихотворной форме собственное отношение к истории «Вечного Города».

Прежде всего, он считает нужным перечислить прежние достоинства: военная мощь (Рим, некогда расцветший военным могуществом), территориальная экспансия (заставлял склоняться шеи гордецов, продвигался из области в область), приверженность законности (давая и охраняя законы, всюду всё устраивал по своему образцу), непререкаемый авторитет (перед тобой трепетали вожди, правители, империи) и т. д. Расцвет продолжался до тех пор, пока в Риме царил честный суд и «стремление к справедливости», но как только им на смену пришли обман и коварство, от былых достоинств не осталось и следа, а на смену им пришли предательство, жажда роскоши, алчность и т. п. Таким образом, в представлении Малатерры действия Роберта совершенно оправданы, и он выступает в качестве орудия наказания римлян за их прегрешения (теперь действительно норманнский рыцарь побеждает и овладевает городом). В конце хронист призывает апостола Петра положить конец царящему в вечном городе падению нравов[14].

В поэме Вильгельма Апулийского норманны также представлены как верные сыны Римской Церкви. В свою очередь и папы являются в глазах Вильгельма добродетельными и добрыми отцами норманнов. Такую идиллию ему удается создавать, даже описывая битву с папой Львом IX, которого хронист называет не иначе как «mirificus» (удивительный)[15]. В основе мотивов поведения папы Льва IX Вильгельм видит желание дать ответ на жалобы апулийцев, которых притесняли норманны.

Византийский военачальник Аргир «умолял (папу) освободить Италию, которая лишилась своей свободы, и принудить уйти этот враждебный народ, ярмо которого угнетало землю Апулии»[16]. Норманны, испуганные размером папского войска, немедленно запросили мира, предлагая стать вассалами папы и держать свои земли как папские фьефы. Но вмешались германцы и потребовали от папы Льва IX отказаться от каких-либо переговоров о мире, если норманны сами не желают добровольно покинуть Италию. Папа пытался возражать, но ничего не смог сделать с германцами. По этой причине норманнам оставалось только выбрать, какой смертью умереть. Они решили, что лучше погибнуть с честью в сражении, чем дожидаться позорной смерти от голода[17]. После триумфа на поле боя

[13] Ibid. P. 79–80.
[14] Ibid. P. 80–81.
[15] Guillermus Apuliensis. P. 255.
[16] Ibid.
[17] Ibid. P. 256.

норманны настигли Льва IX у Чивитато, и там они на коленях почтительно вымаливали себе прощение. Тронутый папа ласково их принял и простил, очень сильно сожалея о том, что условия мира были ранее им отвергнуты[18].

Другими словами, Вильгельм считает битву при Чивитато большим недоразумением между двумя силами, которые при естественном ходе событий должны были бы рано или поздно начать действовать совместно. Ни норманны, ни папа не виноваты в развязывании этой войны. Если кто и был виноват, то это «надменные» германцы, которые воспрепятствовали папе принять условия мира, предложенные норманнскими послами.

На синоде в Мельфи, собранным папой Николаем II в 1059 г., норманны и папа пришли к тем же соглашениям, что и в результате битвы при Чивитато: «В конце синода, по просьбам многих Николай дал Роберту герцогское достоинство. Ему, единственному из графов, [папа] по праву уступил титул герцога, и он стал верным папе, принеся клятву верности. В результате, Калабрия и вся Апулия были уступлены ему одному, с господством над племенем земли Лация»[19].

С точки зрения Вильгельма, если бы норманны и папа Лев IX пришли к соглашению до сражения, то им, норманнам, не было бы необходимости договариваться с Николаем II в Мельфи шесть лет спустя. Вильгельм полностью игнорирует все дальнейшие подобные «недоразумения», которые происходили между папой Григорием VII и Робертом Гвискаром.

Например, он умалчивает о конфликте между папой и герцогом Апулии из-за поддержки, которую Григорий VII оказывал восставшему против норманнов лангобардскому правителю Гизульфу[20]. Он говорит о том, что осада Робертом Беневенто в 1077 г. раздражала Григория VII21, и ничего не сообщает о постоянных набегах Роберта на папскую область.

Вместо этого Вильгельм коротко сообщает, что Роберт встретился с Григорием VII в Беневенто и попросил прощение за свои преступления. После этого папа смягчился и принял от Роберта клятву быть верным вассалом Святой Церкви. Вильгельм предает слух, что папа даже пообещал норманнскому герцогу «корону Римского царства»[22].

В отличие от Малатерры, который с негодованием отзывался о Риме и римлянах, Вильгельм говорит о них довольно спокойно. Отдавая дань античной традиции, он именует жителей Рима «квиритами». Поддержку римлянами императора Генриха IV в борьбе с Григорием VII Вильгельм оценивает буквально в двух словах, указав, что они подняли мятеж против папы, и это было с их стороны крайне неразумным шагом[23]. Таким

---

[18] Ibid. P. 259.
[19] Ibid. P. 262.
[20] Ibid. P. 275.
[21] Ibid. P. 280.
[22] Ibid.: Romani regni sibi promisse coronam papa ferebatur.
[23] Ibid. P. 283.

образом, из самого характера повествования следует, что Вильгельм не разделял свойственную Малатерре ненависть к римлянам.

Перед первым крестовым походом норманнские авторы Южной Италии лучше других средневековых латинских хронистов были осведомлены о положении дел в Малой Азии. Только у Амато и Вильгельма Апулийского встречаются упоминания о Манцикертском сражении и оценочные суждения о тюрках-сельджуках[24]. Данный факт совершенно не вызывает удивления, учитывая тесные связи Южной Италии и Сицилии с Византийской империей.

Удивительно другое: в дальнейшем некоторые хронисты первого крестового похода наперебой говорят о благоразумии, воинственности, храбрости и могуществе тюрок, отмечают их превосходство в обращении с луком и стрелами, а также намекают на их троянское происхождение[25]. Последнее в представлении средневековых авторов ставило их в один ряд не только с римлянами, но и с норманнами, которые также «похвалялись своим происхождением от Антенора»[26].

В данной работе подробно рассматривать проблему о троянском происхождении норманнов и тюрок-сельджуков не представляется целесообразным: данному сюжету мы посвятили отдельное исследование[27]. Вместе с тем представляется уместным воспроизвести здесь ряд его выводов и положений.

Прежде всего, А. Боссюа справедливо полагал, что легенда о троянском происхождении европейских народов, которая в глазах современных историков является чистой выдумкой, для людей Средневековья, не делавших разницы между литературой и историей, являла собой подобие расовой теории и имела силу истины, служившей делу укрепления национального единства[28].

Не вызывает сомнения тот факт, что эта легенда была очень популярна в Западной Европе и оказывала сильное влияние на политические и военные отношения целых стран и народов на протяжении всего периода Средневековья. Зачастую она служила средством легитимации различных политических и идеологических притязаний[29]. Ее первоисточником

---

[24] *Amatus di Montecassino.* Storia dei normanni di Amato di Montecassino / A cura di V. de Bartholomeis. Roma, 1935. P. 18–20; *Guillermi Apuliensis.* Gesta Roberti Wiscardi. P. 265–267.

[25] Histoire anonyme de la première croisade / Texte etabli et traduit par L. Brehier. P., 1924. P. 50–51; *Peter Tudebod.* Historia de Hierosolymitano Itinere // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. T. 3. P., 1866. P. 27–28.

[26] Dudo Sancti Qvintini. P. 130.

[27] *Прудников В.В.* Deus adiuva! Норманнские рыцари в Анатолии XI–XII вв. / Отв. ред. Д.Д. Васильев. М., 2019. С. 209–225.

[28] *Bossuat A.* Les origines troyennes: leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle // Annales de Normandie. 1958. T. 8. P. 187–197 (здесь: P. 197).

[29] *Лучицкая С.И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001. С. 213.

и оформлением во многом стала «Энеида» Вергилия. Именно из-за этого произведения римляне первыми прославились благодаря своему троянскому происхождению. Этот эпос, созданный в I в. до н. э., должен был не только обеспечить право на власть в Империи представителям рода Юлиев, но и «...подтвердил призвание Рима как к всеобщему господству, так и к вечности. Этот миф о долговечности Рима и универсальности его Империи впоследствии стал традиционной темой имперской литературы. Легенды о троянском происхождении Рима представляли собой одно из сильнейших оправданий, поскольку божественное Провидение раз и навсегда доверило только потомкам троянского народа миссию господства над "orbis terrarum"»[30].

Если верить П. Буэ, то христианские авторы широко восприняли провиденциализм и универсализм римской истории и, основываясь на библейской традиции, «...разделившей историю человечества на череду четырех великих монархий, отцы Церкви включили эту чисто историческую перспективу в духовное видение Спасения. Таким образом, Римская империя стала четвертой и последней Империей, миссией которой было объединить все народы земли под римским правом и сделать возможным пришествие Христа и быстрое распространение Его Послания»[31].

Вполне естественно, что примеру римлян последовали галлы, франки и бретонцы и норманны. В первую очередь, норманнские клирики стремились не только создать блестящее прошлое для потомков викингов, но и встроить их в древнюю историю греко-римского мира. Эта генеалогическая связь с троянцами позволяла норманнским правителям на равных спорить с «другими потомками» франков и римлян, даруя право на суверенитет политическое доминирование и уверенность в завтрашнем дне[32].

Далее Буэ утверждает, что «эти генеалогические легенды, придуманные несколькими священнослужителями, не имели никакой силы и вряд ли могли понравится нормандской публике» по нескольким причинам, среди которых было отсутствие прочных обоснований (археологические артефакты, историческая память) в противовес «ошибочным и причудливым этимологиям», выводившим норманнов от троянцев[33].

В данном случае рассуждения Буэ дают ответ на вопрос, почему итало-норманнские хронисты второй половины XI в. не использовали легенду о троянском происхождении для легитимации власти новых сеньоров Южной Италии и Сицилии. Очевидно, что критическое отношение к данной легенде было им на руку. Южно-италийские норманны являлись вассалами

[30] *Bouet P.* De l'origine troyenne des Normands // Annales de Normandie. 1995. T. 26. P. 401–413 (здесь: P. 401–402).
[31] Ibid. P. 402–403.
[32] Ibid. P. 411–412.
[33] Ibid. P. 412.

римских пап, поддержка которых в немалой степени способствовала их успешной легитимации. У норманнов не было необходимости подтверждать свою принадлежность к какой-либо нации путем внедрения легенды о троянском происхождении в сознание своих подданных, которые, в свою очередь, принадлежали к различным народам и проживали на различных в историческом и культурном плане территориях.

Но и критическое отношение имело место, со стороны как заказчиков хроник, так и самих хронистов, поскольку в вопросе самоидентификации и происхождения они сохраняли опору на историческую «традицию, берущую начало от Вильгельма Жюмьежского, и расшифровывали термин "норманны" как "люди, пришедшие с Севера", а точнее, из Норвегии»[34].

Намек хронистов первого крестового похода на легенду о троянском происхождении тюрок-сельджуков можно расценить как результат развития антивизантийской пропаганды, у истоков которой стояли норманны. Именно они считали тюрок-сельджуков наименьшей угрозой для своих владений на Востоке, а византийцев выставляли как главных врагов, виновников неудач крестоносцев. В подобном ключе восхваление сельджуков было призвано подготовить общественное мнение Западной Европы к тому, что однажды норманны и тюрки смогут объединиться и совместно выступить против византийцев. Однако подобным мечтам норманнских правителей на Востоке не дано было осуществиться.

References

Bossuat, A. "Les origines troyennes : leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle." *Annales de Normandie* 8 (1958). P. 187–197.

Bouet, P. "De l'origine troyenne des Normands." *Annales de Normandie* 26 (1995). P. 401–413.

Luchitskaia, S.I. *Obraz drugogo: musul'mane v khronikakh krestovykh pokhodov [The Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades]*. Moscow, 2001 (in Russian).

Lyubarskiy, M.Ia. "Ob istochnikakh «Aleksiady» Anny Komninoi [On the Sources of Anna Komnene's "Alexias"]." *Vizantiiskii vremennik* 25 (1964). P. 99–120.

Lyubarskiy, M.Ia., transl. *Anna Komnina Aleksiada [Anna Komnene Alexias]*. Saint-Petersburg, 1996 (in Russian).

Prudnikov, V.V. *Deus adiuva! Normannskie rytsari v Anatolii XI–XII vv.* [*Deus Adjuva! Norman Knights in Anatolia in 11th–12th Centuries AD*], ed. by D.D. Vasiliev. Moscow, 2019 (in Russian).

Sonnesyn, S. "The Rise of the Normans as Ethnopoesis." In *Norman tradition and transcultural heritage. Exchange of cultures in the 'Norman' peripheries of medieval Europe*, ed. by T. Foerster, S. Burkhardt. Farnham, 2013. P. 203–218.

[34] *Прудников В.В.* Deus adiuva! С. 222–223.

Знак информационной продукции **16+**

Научное издание

BYZANTINOTAURICA

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 2

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

«Н.Оріанда»™
ИП Пинчук А.В. 23 №008849391 от 15.11.2014 г.

Подписано к печати с оригинал-макета 24.09.2024. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 300 экз. Заказ № .

«Н.Оріанда»™ 295051, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, а/я 13
Тел.: 8 (800) 505-15-19, 8 (3652) 60-49-19
E-mail: n-orianda@mail.ru; https://n-orianda.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфическом оборудовании ООО «Форма».
295034, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Кирова, д. 34, оф. 13.
Тел.: +7 (978) 725-35-78; Formacrimea@gmail.com

BYZANTINOTAURICA

2

ЖУРНАЛ
ВИЗАНТИЙСКИХ
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ